

DOI: 10.31857/S086919080024885-0

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В ПЛЕМЕННОЙ ЗОНЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПРОВИНЦИИ БРИТАНСКОЙ ИНДИИ (1919–1939)

© 2023

Е.В. КРЫЖКО ^a, С.И. НАТАЛЕВИЧ ^b

^a – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
ORCID: 0000-0001-9943-819X; jeyson1030@gmail.com

^b – ГКУ «Государственный архив Республики Крым», Симферополь, Россия
ORCID: 0000-0003-3906-5293; sereganat1@yandex.ru

Резюме: Особая форма управления Северо-Западной пограничной провинции, проанализированная в статье, была установлена путем взаимодействия политических агентов Великобритании с местными племенами. Рассматриваемая территория характеризовалась высоким уровнем нестабильности, нивелировать которую пытались путем создания многоуровневой системы управления и установления паритета в среде местных элит при британском посредничестве как арбитра. Сформированная административная система сохранилась, территориально относясь к современному Пакистану, с характерными ей проблемами, что представляется в качестве исторического опыта Британской Индии по контролю своей северо-западной границы. Основная задача британских офицеров сводилась к установлению контролируемой системы сдержек и противовесов в приграничной зоне, направленных на решение вопросов по обеспечению надежной защиты Британской Индии от внешней угрозы. При этом создавалась возможность использования рассматриваемой территории в качестве плацдарма для дальнейшей геополитической конкуренции, прежде всего с Россией, по распространению влияния в Азии. Бюрократическая система провинции имела особую структуру, состоящую из административного аппарата урегулированных территорий и политического представительства в зоне племен, которые подчинялись департаменту иностранных дел при центральном правительстве Индии. Представленная иерархия подчинения выводила данный регион из общей системы управления колонией и препятствовала проведению реформ. При кадровом подборе политических агентов примечателен набор качеств, обеспечивающих им свободу действий от личностных, а также от субординационных обременений, максимально абстрагировано от национального правительства. Племенная зона находилась в территориальной юрисдикции Британской Индии, фактически имела полную автономию с ограниченными возможностями агентов, которые имели представительство в местных джиргах и координировали действия ополчения, отрядов самообороны и скаутов. Реализация поставленных установок выполнялась с использованием ряда механизмов по управлению провинцией, заключавшихся в дипломатических договоренностях, подкрепленных финансовыми выплатами в пользу местной элиты, а также путем задействования индийской армии в особо нестабильных районах.

Ключевые слова: Британская Индия, Северо-Западная пограничная провинция, Индийская политическая служба, политические агенты, племена, пуштуны.

Для цитирования: Крыжко Е.В., Наталевич С.И. Особенности деятельности политических агентов в племенной зоне Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии (1919–1939). *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 69–79. DOI: 10.31857/S086919080024885-0

EFFORTS AND ACTIONS OF POLITICAL AGENTS IN THE TRIBAL AREA OF THE NORTH-WEST FRONTIER PROVINCE OF BRITISH INDIA (1919–1939)

© 2023

Evgeniy V. KRYZHKO ^a, Sergey I. NATALEVICH ^b

^a – V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
ORCID: 0000-0001-9943-819X; jeyson1030@gmail.com

^b – Archive of the Republic of Crimea, Simferopol, Russia
ORCID: 0000-0003-3906-5293; sereganat1@yandex.ru

Abstract: *The special form of government of the North-West Frontier Province, analyzed in the article, was established through the interaction of British political agents with local tribes. The territory under consideration was characterized by a high level of instability, which they tried to neutralize, creating a multi-level management system, as well as establishing parity among local elites with British mediation as an arbiter. The administrative system formed by the agents has survived in the territories of modern Pakistan with its characteristic problems, which is presented as British India's historical experience of controlling its northwestern border. The main task of the British officers was to establish a controlled system of checks and balances in the border zone, aimed at resolving issues of ensuring reliable protection of British India from external threats. At the same time, the possibility of a foothold for the territory under consideration was created for further geopolitical competition in Asia. The presented hierarchy of subordination removed this region from the general system of colony management and prevented reforms. The tribal area was under the territorial jurisdiction of British India, had full autonomy with limited authority agents who had representation in local jirgas and coordinated actions of the militias, self-defense units and scouts. The implementation of the set installations was carried out using a number of mechanisms for the management of the province, concluded in diplomatic agreements, supported by financial payments in favor of the local elite, as well as by engaging the Indian army in particularly unstable areas.*

Keywords: British India, North-West Frontier Province, Indian Political Service, political agents, tribes, Pashtuns.

For citation: Kryzhko E.V., Natalevich S.I. Efforts and Actions of Political Agents in the Tribal Area of the North-West Frontier Province of British India (1919–1939). *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 69–79. DOI: 10.31857/S086919080024885-0

Северо-Западная пограничная провинция – нестандартная административная единица Британской Индии, расположенная на границе с Афганистаном. Территория между р. Инд и Хайберским проходом с XIX в. имела стратегическое значение и являлась отправной точкой для британской экспансии в Центральной Азии [Davies, 1932, р. 1–4]. Туркестан выступал ареной столкновения оформляющихся геополитических интересов России и Великобритании по утверждению своих позиций в борьбе за военно-стратегическое и

торгово-экономическое лидерство в регионе [Kryzhko et al., 2018, p. 1088]. В начале XX в. вице-король лорд Дж. Н. Керзон выступал инициатором идеи об основополагающей роли Британской Индии как связующего звена между Европой и Азией, подчеркивал тенденцию к укреплению влияния Лондона на соседние территории с данного плацдарма в качестве долгосрочной британской стратегии на Востоке [Белокрыцкий, Москаленко, 2008, с. 24].

К концу XIX – началу XX в. контроль над Северо-Западной пограничной провинцией являлся не только вопросом престижа, но и обеспечивал безопасность индийских владений Британской империи [Agha, 2013, p. 307]. Провинция была создана 9 ноября 1901 г. [The Indian Office List for 1936, 1936, p. 144] по указу вице-короля Индии лорда Дж. Н. Керзона. Основной проблемой данной территории являлся высокий уровень нестабильности [Вородин, 2016, с. 32], которую пыталась решить британская колониальная администрация путем внедрения эшелонированных механизмов управления, направленных на нивелирование племенного сопротивления.

В современных исследованиях наблюдается практическое отсутствие трудов, раскрывающих специфику деятельности политических агентов в племенной зоне Северо-Западной пограничной провинции в рассматриваемый период. Частично раскрывают систему механизмов британской колониальной администрации на рассматриваемых территориях работы Л.Б. Алаева, А.А. Вигасина, А.Л. Сафроновой [Алаев и др., 2018], В.Я. Белокрыцкого и В.Н. Москаленко [Белокрыцкий, 2022; Белокрыцкий, Москаленко, 2008], Е.В. Бебешко, Е.В. Крыжко, С.И. Наталевича, П.И. Пашковского, С.С. Щевелева [Bebeshko et al., 2017; Kryzhko et al., 2018], Ю.Н. Паничкина [Паничкин, 2001], Э.Б. Сатцаева [Сатцаев, 2016], Ю.Н. Тихонова [Тихонов, 2007]. В большей степени они сфокусированы на проблеме политической борьбы пуштунов и геополитического соперничества России и Великобритании в регионе. В трудах С. Агха [Agha, 2013], Р. Брюса [Bruce, 1900], К. Дэвиса [Davies, 1932], Б. Марша [Marsh, 2015], У. Рашбрука [Rushbrook, 1920], Р. Ханта и Дж. Харрисона [Hunt, Harrison, 1980] фрагментарно раскрыта особая «цивилизаторская миссия» армии в провинции, направленная на подавление восстаний племен; описана процедура подбора кадров на должности агентов и их быт; указан механизм финансирования территорий как мера по закреплению лояльности к британцам местных элит.

Стоит отметить, что Северо-Западная пограничная провинция входит в состав современного Пакистана. С 2010 г. она переименована в Хайбер-Пахтунхва (хайберско-пуштунскую), а с 2018 г. законодательно объединена с Территорией племен федерального управления. Провинция сохранила административную систему из колониального прошлого, но при этом является источником региональной геополитической нестабильности на современном этапе. Данное обстоятельство подчеркивает актуальность изучения опыта Британской Индии по установлению контроля и стабильности своей северо-западной территории. Ввиду невозможности формирования полноценной границы с Афганистаном новая административная единица была призвана стать буферной зоной с особой формой управления, особенностям которой посвящена настоящая статья.

В XIX в. Великобритания распространяет свой контроль на всю территорию Индии, которая становится её экономической и политической опорой для дальнейшего проникновения в континентальную Азию. В сложившихся условиях первостепенную роль приобретает Афганистан и граничащая с ним Северо-Западная пограничная провинция как плацдарм в дальнейшей геополитической борьбе с Россией за влияние в регионе [Bebeshko et al., 2017, p. 853–854]. Это обусловило особое отношение к племенной правящей элите и попытки установления системы управления как дипломатическим, так и военным путем.

Северо-Западная пограничная провинция занимала территорию 58 609 кв. км и была разделена на административно упорядоченную и племенную зоны. Большая часть терри-

тории относилась к труднодоступной горной местности с преимущественно пуштунским населением. Административно упорядоченная зона занимала всего 37% и состояла из 5 дистриктов: Хазара, Пешавар, Кохат, Банну, Дера Исмаил Хан, которые были выделены из состава провинции Панджаб. Данные округа были полностью подконтрольны колониальным властям и имели четкие границы. На 1931 г. население этой части провинции составляло 2 425 076 чел. Столицей провинции являлся г. Пешавар [*The Indian Office List*, 1934, р. 144–145]. К наиболее крупным племенам – объединениям относились мохманд, африди, оракзаи, вабир и махсуд. На 1931 г. в племенной зоне проживало 2 259 288 чел. [*The Indian Office List*, 1936, р. 144].

К зоне «политического присутствия» относились территории к югу от «линии Дюранда», на которых проживали независимые пуштунские племена. Разделение сфер влияния между Афганистаном и Британской Индией в 1893 г. проходило без учета стратегических перспектив. Несмотря на попытки разграничения (в 1894 и 1896 гг.) линия продолжала являться условной, так как в основном проходила по водоразделам и не соответствовала ареалу проживания некоторых племен [Белокрыцкий, 2022, с. 17; Marsh, 2015, р. 21]. Территории пуштунских племен включались в состав владений Британской Индии с ликвидацией «вольного статуса» [Сатцаев, 2016, с. 64]. Нарушение традиционных границ и устоявшихся экономических связей приводило к беспорядкам.

Сложные природно-климатические условия и отсутствие прогрессивных методов в ведении хозяйства обуславливали тотальную бедность местного населения, ввиду чего осуществлялись систематические набеги на пограничные дистрикты с целью грабежа и захвата заложников. Разбой на дорогах и контрабанда являлись обыденной ситуацией в Северо-Западной пограничной провинции. Постоянные контакты с представителями афганских политических кругов создавали угрозу территориальной целостности Британской Индии. Любые конфликты могли привести к восстаниям того или иного племени. В межвоенный период (1919–1939) колониальные власти опасались проникновения коммунистической угрозы с территории СССР. Ввиду всех вышеперечисленных факторов зона племен пользовалась повышенным вниманием со стороны Индийского правительства.

Вся полнота власти в Северо-Западной пограничной провинции сосредотачивалась в руках офицеров Индийской политической службы (ИПС) [Davies, 1932, р. 58–61]. Данная организация имела элитный статус и находилась в составе департамента иностранных дел [*The Indian Office List*, 1930 р. 26] Центрального правительства в г. Нью-Дели. К основным обязанностям службы относилось политическое присутствие в подконтрольных княжествах, племенных территориях Британской Индии (Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция), а также служба за ее пределами (Персидский залив, Непал, Бутан и др.). Постоянная численность ИПС в Северо-Западной пограничной провинции на 1925 г. составляла 45 чел., а 1936 г. – 41 чел. Большинство офицеров имели европейское происхождение. В среднем лишь 3–4 должности отводились для офицеров индийского происхождения [*The Combined Civil List*, 1925, р. 178–183; 1936, р. 210–215]. Комплектование проводилось путем назначений. Большинство кандидатов являлось добровольцами из состава Индийской Гражданской службы и офицерского корпуса Индийской Армии. Так, на 1925 г. 11 чиновников являлись выходцами из Индийской гражданской службы, в то время как 28 – были командированы из армии. На 1936 г. – 8 и 29 чел. соответственно [*The Combined Civil List*, 1925, р. 178–183; 1936, р. 210–215]. Большинство рекрутов имели безупречную репутацию и крепкое здоровье. В среднем добровольцы имели опыт службы в Индии от 3 до 7 лет. Отбор осуществлялся при личном участии вице-короля Индии. В некоторых случаях офицеры удостоивались личной аудиенции, на которой проходило собеседование [Hunt, Harrison, 1980, р. 25, 150]. По результатам отбора проходило распреде-

ление в регионы, в ходе которого большинство офицеров направлялись в Северо-Западную пограничную провинцию и Белуджистан. Кандидаты были обязаны сдать экзамен на знание профильного языка (чаще всего – пушту, балучи или арабского – *Авм.*). Курс подготовки состоял из трехлетней стажировки в профильном регионе, по результатам которой сдавались письменные экзамены и выносилось окончательное решение о принятии в ИПС. В целях соблюдения безопасности все офицеры возрастом до 28 лет обязывались воздержаться от заключения брака [Marsh, 2015, p. 27].

Бюрократическая система Северо-Западной пограничной провинции имела нестандартную структуру и состояла из двух частей: административного аппарата урегулированных территорий и политического представительства в зоне племен. Во главе находился главный комиссар [*The Indian Office List*, 1919, p. 79], в компетенцию которого входили обе ветви управления. До 1937 г. регион был подконтролен департаменту иностранных дел при центральном правительстве Индии [*The Indian Office List*, 1930, p. 12]. В 1932 г. провинция получила губернаторский статус, при этом был создан собственный Законодательный совет из 40 депутатов (28 избираемых и 12 назначаемых членов) [*The Indian Office List*, 1936, p. 144]. Однако данные изменения не вывели регион из вектора деятельности департамента иностранных дел. После вступления в силу Конституции 1935 г. Северо-Западная пограничная провинция находилась в ведении департамента внешних связей [*The Combined Civil List*, 1938, p. 4], что указывало на ее несамостоятельность и препятствовало проведению общендийских реформ. Таким образом колониальные власти блокировали любое вмешательство индийского национального правительства в дела региона. Администрация урегулированных территорий провинции состояла из секретариата и профильных департаментов при губернаторе. Руководство дистриктами осуществляли заместители комиссара, в их подчинении находились ассистенты комиссара, которые руководили субдивизиями. В административно урегулированной части провинции действовали гражданские и уголовные суды, осуществлялось взимание налогов и пошлин [*The Indian Office List*, 1930, p. 145]. На границе с территорией племен функционировал жесткий пропускной режим. Охрана осуществлялась вооруженной полицией, а также подразделениями Индийской армии.

Политическое представительство в зоне племен возглавлялось губернатором, который мог одновременно исполнять обязанности агента генерал-губернатора и резидента в провинции. Территория горных племен была разделена на 5 агентств: Хайбер; Дир, Сват и Читрал; Куррам; Северный Вазиристан; Южный Вазиристан. Они возглавлялись политическими агентами, которые подчинялись непосредственно губернатору. Северный и Южный Вазиристан имели отдельное руководство в лице политического резидента [*The Combined Civil List*, 1939, p. 185–191]. Для упрощения работы политических представителей в некоторых агентствах предусматривалась должность ассистента, который вел самостоятельную работу в Читрале, аналогичные должности были предусмотрены в Северном и Южном Вазиристане [*The Indian Office List*, 1930, p. 110]. С конца XIX в. ввиду нехватки профессиональных кадров руководство некоторых урегулированных дистриктов было вынуждено совмещать административные функции с политическим представительством в ряде племен, чьи территории располагались в непосредственной близости от административных границ [Bruce, 1900, p. 353–354]. Так, заместитель комиссара в дистрикте Кохат являлся агентом в кланах африди Адам Кхель и Оракзай, руководитель дистрикта Пешавар осуществлял политическое представительство в племени мохманд, коллектор Банну представлял интересы правительства в некоторых кланах племени вазир, заместитель комиссара в Дера Исмаил Хан и его ассистент действовали в племенах ширвани и бхитанни [Marsh, 2015, p. 24].

В компетенцию политических агентов племенной зоны не входили административные функции. Данные территории не имели прямого управления. Реальная власть полити-

ческого агента не распространялась за пределы форта, в котором он базировался. Племена не платили налоги, не действовала индийская судебная система. Единственным постоянным законодательным документом являлось «Регулирование пограничных преступлений» (Frontier Crimes Regulation), которое подразумевало жестокие наказания (в т. ч. коллективные – *Азм.*) за малейшие проступки при минимальных разбирательствах. Однако местное население руководствовалось сводом пуштунвали и нормами ислама [Hunt, Harrison, 1980, p. 150]. В большинстве случаев конфликтные ситуации решались путем кровной мести. По словам ассистента политического агента в Ване Дж.Х. Эмерсона, в трансграничной зоне не действовали законы. Система границ была установлена правительством. Все преступления на территории племен не входили в компетенцию чиновника. В случае если правонарушение совершалось на подконтрольной британцам территории, племя было обязано выдать нарушителей или наказать их самостоятельно. Однако выдача противоречила кодексу пуштунвали, ввиду чего племя было обязано выплатить компенсацию [TNA, MSS. Eur. F. 180/59, p. 25]. В случае отказа в сотрудничестве политический агент был обязан принять силовые или экономические меры воздействия. Подобные действия могли спровоцировать дальнейший конфликт.

Основной обязанностью политических агентов являлось ведение переговоров с представителями племен. Диалог осуществлялся на специальных собраниях – джиргах. В большинстве племен состав джирги был идентичен, в нее входили старейшины – малики. Подавляющая часть участников собрания относилась к крупнейшим землевладельцами и находилась на пике иерархии. Институт джирги был призван разрешать проблемные ситуации между колониальными властями и племенными организациями. Повестка дня могла формироваться политическим агентом. После обсуждения совет старейшин выносил решение. Формально офицеры не были обязаны следовать постановлениям джирги. Однако пренебрежение мнением племени могло быть опасно. По мнению лорда Дж. Н. Керзона малики должны были стать опорой британских политических агентов. Данная система была актуальна в Северной части провинции, где власть сосредотачивалась в руках князей. Так, мехтар Читрала и наваб Дира [Паничкин, 2001, с. 45; Bruce, 1900, p. 348–349] возглавляли местные джирги и являлись союзниками колониальных властей, оказывали поддержку в борьбе против политической оппозиции. В качестве поощрения за лояльность британцы предоставляли титулы почетных магистратов, джагиров или собирателей земельного налога. Многие малики получали в собственность общинные земли, что порождало неравенство и беспорядки внутри племени. Заместитель комиссара в Хазаре Дж.К.С. Кертис отмечал, что для пуштунов было чуждо иерархическое общество и, несмотря на наличие крупных наследственных землевладельцев, на благожелательные отношения с политическими агентами воздействовал лишь страх проведения военной операции [TNA, MSS. Eur. F. 180/58, p. 41.]. Следовательно, опора на племенную аристократию была актуальна лишь для отдельных регионов и не гарантировала поддержание стабильности.

К наиболее проблемным регионам провинции относился Вазиристан. В местных племенах отсутствовала четкая иерархия. По словам ассистента политического агента в Северном Вазиристане Э.Ф. Лайдала, местные джирги состояли не из совета старейшин, а представляли собой собрание всего племени. Члены племени сидели на земле вокруг политического агента и его ассистента. Право голоса имел каждый. Однако высказывание предложений происходило хаотично, без соблюдения очереди и превращалось в неконтролируемый процесс. Большинство подобных мероприятий собирали по причине совершения преступлений членами племени, ввиду чего обсуждение завершалось требованиями политического агента о выдаче преступников. В случае отказа в качестве воздействия осуществлялся захват заложников и помещение их под вооруженную охрану [TNA, MSS. Eur. F. 180/4, p. 19.].

Силовой вариант решения проблемы мог привести к серьезным последствиям. Отсутствие устойчивой иерархии препятствовало эффективной деятельности политических офицеров, которые были ограничены в ресурсах.

Племена были отлично вооружены и подготовлены к ведению военных действий. Джирги могли решать вопросы об объявлении войны и заключении мира. В критической ситуации вопросы сохранности жизни и имущества членов племени находились в руках джирги. В случае необходимости решения проблемы силовым путем формировалось ополчение – лашкар. Большинство дел рассматриваемых джиргой не документировалось. Однако, исходя из соображений престижа, каждое племя вело подсчет добычи и потерь. В случае нанесения оскорблений семье, клану или племени к обвиняемой стороне применялся обычай кровной мести. Вражда могла длиться в течение многих лет. Таким образом, страх перед возможностью возникновения кровной мести мог быть серьезной причиной для сдерживания любой агрессии и совершения преступлений. По словам Дж. К. С. Кертиса, для прекращения усобиц джирга должна была найти причины для урегулирования, при которых обе стороны не считали необходимым продолжить вражду [TNA, MSS. Eur. F. 180/58, p. 11.].

Отсутствие единого специализированного органа правопорядка компенсировалось вооруженными формированиями из числа племен. Созданные в 1921 г. по инициативе правительства отряды самообороны – хассадары – были призваны заменить полицию, которая перешла на сторону афганской армии в 1919 г. Основной задачей хассадаров являлось патрулирование дорог и охрана общественного порядка [Наталевич, 2017, с. 153]. Данные формирования самостоятельно вооружались и не контролировались британскими властями. Хассадары не являлись надежной силой. Однако нападение на них провоцировало кровную месть со стороны всего племени. Так, отряды из племени махсуд получали за свои услуги до 700 тыс. рупий в год [Hunt, Harrison, 1980, p. 153]. В случае неповиновения или мятежа хассадаров община не получала оплату, что являлось устойчивым методом воздействия на поведение всего племени.

Наиболее эффективной военной силой в племенной зоне являлись мобильные отряды легкой пехоты – скауты. Данные формирования относились к отдельному пограничному корпусу. В отличие от других частей Индийской армии, скауты находились в прямом подчинении губернатору. Вербовка личного состава проходила на добровольной основе из числа жителей административно урегулированных дистриктов. Командование осуществлялось прикомандированными офицерами Индийской армии. В их компетенцию входила охрана границы, патрулирование дорог и удержание стратегических опорных пунктов. В некоторых случаях скауты осуществляли силовое воздействие на племена. Основные гарнизоны располагались в Ване, Рамзаке, Банну и Хайбере. При необходимости скауты оказывали силовую поддержку политическим агентам. По воспоминаниям Э.Ф. Лайдала, в 1938 г. во время возвращения из совместного патрулирования территории племен хамзани и давар в Северном Вазиристане под колесами автомобиля взорвалась мина. В ходе ответных действий скауты направились в близлежащую деревню и взяли в заложники 35 человек. На следующий день племенная джирга информировала о вознаграждении в 5 тыс. рупий за выдачу виновников в течение 10 дней. Преступник был выдан в тот же день [TNA, MSS. Eur. F. 180/4, p. 16.].

С 1919 г. в зоне племен постоянно присутствовали части Индийской армии, что вызывало протесты местного населения [Rushbrook, 1920, p. 16–19], следствием которых являлись постоянные нападения на гарнизоны и транспортные колонны. Крупнейшей военной базой в провинции являлась крепость Ланди-Котал, которая контролировала Хайберский проход. Однако, ввиду постоянных восстаний на территории племен мохманд и африди, войска

могли вводиться лишь по просьбе политического агента. Для нужд армии была развернута крупномасштабная программа по строительству дорог. Значительная группировка войск располагалась в Вазиристане, на его территории воздействие на племена проходило исключительно силовым путем. Именно в этом регионе была впервые применена авиация [Marsh, 2015, p. 196]. По словам политического офицера Э.Ф. Лайдала, в случае восстания военные могли применять к местному населению методы «экономического воздействия», например, подрыв оросительного канала или водовода, что лишало деревню водоснабжения [TNA, MSS. Eur. F. 180/4, p. 16.]. Данные свидетельства указывают на ожесточенный характер борьбы и напряженные отношения с местным населением [Rushbrook, 1920, p. 16–19]. Большинство офицеров политической службы выступали против постоянного военного присутствия. В этой связи между армией и политическими агентами существовало взаимное недоверие.

Члены племен совершали преступления для получения собственной выгоды. Нередкими были случаи захвата заложников. Так, в 1919 г. было совершено 611 набегов на административно урегулированные дистрикты, в результате 298 человек были убиты и 463 похищены. Ущерб составил 3 млн. 330 тыс. рупий [Marsh, 2015, p. 45]. Политические агенты находились в постоянной опасности и были всегда вооружены. По сведениям заместителя комиссара в Хазаре Дж.К.С. Кертиса, при нем всегда находился револьвер и запас патронов. Однако больше всего офицер опасался за свою семью, которая находилась под постоянной охраной. В 1923 г. члены племени африди из Тирахы совершили нападение на дом офицера в Кохате. Чиновник и его жена были жестоко убиты, а 18-летняя дочь – Молли Эллис – похищена и вывезена в горы. В результате была проведена военная операция, девушка освобождена. При этом деревня, в которой скрывались похитители, полностью сожжена [Marsh, 2015, p. 197]. Данное событие получило большой резонанс в прессе, руководство провинции было обвинено в кровожадности. Однако вышеуказанные факты не имели воздействия на дальнейшую политику в регионе.

В качестве поощрения за лояльность лидеры племен получали денежные пособия. Данная программа финансировалась из бюджета провинции. Распределение пособий входило в обязанности политических агентов. Дж. К. С. Кертис во время службы в местности Танк в Южном Вазиристане указывал, что данное мероприятие проходило дважды в год (зимой и летом) на укрепленных постах скаутов. Распределение пособий сопровождалось обсуждением. В присутствии старейшин ассистент политического агента перечислял все преступления, которые совершило племя, после чего старейшины должны были признаться и раскаяться в содеянном. В случае если племя отрицало свою вину, выплата не осуществлялась [TNA, MSS. Eur. F. 180/58, p. 21.]. То есть, денежные пособия являлись одним из наиболее существенных методов воздействия. Большинство выделяемых средств оседало среди племенной верхушки. Данные действия являлись крайне затратными и не гарантировали стабильность. Так, дотации племенам вазир и махсуд в 1919 г. составляли 129 тыс. 990 рупий, а к 1925 г. уже 280 тыс. 500 рупий [Marsh, 2015, p. 202], при этом племена участвовали в боевых действиях против британцев в 1919–1920 и в 1921–1925 гг. Колониальные власти игнорировали прямое финансирование образования, медицины и ирригации. Огромные затраты на нужды армии в регионе истощали казну Британской Индии. Реализация программы по строительству дорог не создавала необходимого количества рабочих мест. Дж. К. С. Кертис указывал, что иногда джирги просили агента оказать финансовую помощь местным школам или улучшить систему орошения полей. Однако чиновник располагал незначительным резервным фондом. Правительство не реагировало на его запросы. По словам Дж.К.С. Кертиса, выделение средств не гарантировало выполнение поставленных задач: деньги могли быть украдены, ввиду чего офицер был

обязан контролировать весь процесс [Hunt, Harrison, 1980, p. 154]. Таким образом, правительство провинции воздерживалось от прямых финансовых вложений в регион. Отсутствие социальных гарантий, бедность и неграмотность населения препятствовали интеграции племенной зоны в состав Британской Индии.

В случае отказа в выплате пособий могло быть поднято восстание. Например, в 1927 г. в Мохманде мулла Ф. Алингар после споров о сумме выплаты объявил джихад и напал на форт Шабкадар. Для подавления восстания были применены ВВС. По мнению Индийского правительства и армейского командования, бомбардировки являлись единственным эффективным способом подавления восстаний. Так, в 1930 г. с помощью авиации были уничтожены лашкар племени африди, который вторгся в г. Пешавар, и лашкар племени мохманд, который отправился им на помощь. Бомбардировки восставших населенных пунктов являлись стандартной мерой воздействия и применялись на протяжении всего межвоенного периода (1919–1939). Ассистент политического агента Э. Ф. Лайдал являлся свидетелем ковровой бомбардировки территории племени Мадда Кхель Варзир в 1936 г. По данным разведки, на их территории укрывался знаменитый предводитель восстания в Вазиристане – Г.М. Хан Вазир, известный как Факир Ипи. Мирное население было оповещено о начале операции и было обязано покинуть дома. В качестве безопасной зоны было отведено несколько мечетей. Соседние племена были предупреждены, что в случае оказания помощи пострадавшим, будут применены аналогичные санкции. Бомбардировка принесла разрушение и значительное число жертв. Факир Ипи не был уничтожен [TNA, MSS. Eur. F. 180/4, p. 17.]. Скауты и регулярные британские войска в долине Шама, при попытке разбить мятежников и пленить их главаря в мае 1937 г., сдержали натиск вазиров с помощью авиации и артиллерии, но достичь цели не смогли [Тихонов, 2007, с. 162]. Восстание продолжалось до 1939 г., что свидетельствовало о нарастании напряженности в провинции и доказывало неэффективность механизмов контроля данного региона в сложившихся условиях.

Таким образом, на протяжении 1919–1939 гг. Северо-Западная пограничная провинция была изолирована от остальной части Индии. Деятельность политических агентов выстраивалась на системе сдержек и противовесов в вопросе лавирования между племенами. Данная политика была направлена на создание надежной формы управления территориями, которые рассматривались в качестве плацдарма для освоения континентальной Азии и для защиты Британской Индии от внешней угрозы. Провинция была одной из самых бедных, что провоцировало перманентные внутренние конфликты, а также, по мнению британцев, создавало риски для проникновения коммунистической идеологии и расширения влияния СССР в южном направлении.

Система политического присутствия была призвана осуществлять не прямой контроль над независимыми племенами, при этом купировались попытки распространения на регион влияния индийского национального правительства. Угроза внутренней стабильности Северо-Западной пограничной провинции создавала постоянную напряженность в хрупкой системе отношений политических агентов с представителями местной элиты, зона фактического влияния которых не выходила за рамки своей резиденции.

Офицеры ИПС не имели механизмов воздействия на судебную и налоговую политику и транслировали управление провинцией посредством переговорного процесса на джиргах, решения которых не распространялись на британцев. Однако пренебрегать мнением местных элит считалось опрометчивым. Отсутствие стабильной иерархии в племенах препятствовало эффективному функционированию агентов. Офицеры обладали правом проводить карательные мероприятия без разбирательств.

Ключевым фактором воздействия политического агента в отношении племенной аристократии была возможность инициировать проведение военной операции. Стоит отметить, что вмешательство Индийской армии являлось затратным и блокировало проведение реформ в провинции. Это обуславливало негативную реакцию офицеров ИПС в вопросе постоянного присутствия британского контингента, который с недоверием относился к деятельности агентов.

Наиболее эффективным механизмом управления провинцией стало распределение денежных пособий среди элиты лояльных племен. Контроль над финансовыми потоками был в сфере компетенции политических агентов и способствовал их интеграции в племенные институты. Но он не обеспечивал стабильность в регионе, учитывая, что денежные потоки не улучшали территориальную инфраструктуру. Представленная политика усугубляла социально-экономическую обстановку и осложняла дальнейшую интеграцию племенной зоны в состав Британской Индии.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

TNA – The National Archives [Национальный архив]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. *История Индии*. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2018 [Alayev L.B., Vigin A.A., Safronova A.L. *History of India*. Moscow: GAUGN-PRESS, 2018 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана – численность и расселение. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 12–24 [Belokrenitsky V.Y. Pashtuns and Pashtun Tribes of Afghanistan and Pakistan: Their Quantity and Settlement. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2022. No. 1. Pp. 12–24 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана. XX век*. М.: ИВ РАН, 2008 [Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N. *History of Pakistan. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2008 (in Russian)].

Вородин Д.А. Пуштунский вопрос в афгано-пакистанских отношениях в 1940-х–1960-х годах. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2016. Т. 12. № 2. С. 30–41 [Vorodin D.A. The Pashtun Question in the Afghanistan – Pakistan Relations in 1940s – 1960s. *Political Expertise: POLITEX*. 2016. Vol. 12. No. 2. Pp. 30–41 (in Russian)].

Натаевич С.И. Проблема реформирования административного управления в Северо-Западной пограничной провинции Индии в 20-х гг. XX века. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 2(76). С. 152–155 [Natalevich S.I. Problem of Reforming Administration in India's North-Western Border Province in the 20s of the XX Century. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017. No. 2(76). Pp. 152–155 (in Russian)].

Паничкин Ю.Н. Пуштунское движение в Северо-Западной пограничной провинции (первая половина XX в.). *Восток (Oriens)*. 2001. № 6. С. 45–55 [Panichkin Y.N. Pashtun Movement in the North-Western Frontier Province (First Half of the 20th Century). *Vostok (Oriens)*. 2001. No. 6. Pp. 45–55 (in Russian)].

Сатцаев Э.Б. Пуштунская проблема в афгано-пакистанских отношениях. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2016. № 1. С. 62–65 [Sattsaeve E.B. Pashtun Problem in the Afghan-Pakistani Relations. *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 2016. No. 1. Pp. 62–65 (in Russian)].

Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). Москва–Липецк: ООО «Информ», 2007 [Tikhonov Y.N. Politics of Great Powers in Afghanistan and the Pashtun Tribes (1919–1945). Moscow-Lipetsk: ООО “Inform”, 2007 (in Russian)].

Agha S. Sub-Imperialism and the Loss of the Khyber: The Politics of Imperial Defence on British India's North-West Frontier. *Indian Historical Review*. 2013. No. 40 (2). Pp. 307–330.

Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S. The Problem of the Genesis of the “Great Game” in Turkestan at the Beginning of the 19th Century. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Issue 3. Pp. 853–860.

Bruce R.I. *The Forward Policy and its Results or Thirty-Five Years Work Amongst the Tribes on Our North-Western Frontier of India*. London: Longmans, Green and Co., 1900.

Davies C.C. *The Problem of the North-West Frontier 1890–1908*. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.

Hunt R., Harrison J. *The District Officer in India 1930–1947*. London: Scholar Press, 1980.

Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Natalevich S.I. The “Great Game” in Turkestan in the First Half of the 19th Century: the Geopolitical Interests of the Parties. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Issue 3. Pp. 1084–1091.

Marsh B. *Ramparts of Empire: British Imperialism and India's Afghan Frontier, 1918–1948*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015.

Papers of Edward Francis Lydall. *TNA. MSS. Eur. F. 180/4*.

Papers of Gerald Colville Seymour Curtis. *TNA. MSS. Eur. F. 180/58*.

Papers of Gerald Herbert Emerson. *TNA. MSS. Eur. F. 180/59*.

Rushbrook W.L. *India in 1919*. Calcutta: Supt. Govt. Printing, 1920.

The Combined Civil List for India and Burma, № 115. Lahore: The Civil and Military Gazette Limited, January–March 1936.

The Combined Civil List for India and Burma, № 125. Lahore: The Civil and Military Gazette Limited, July–September 1938.

The Combined Civil List for India and Burma, № 129. Lahore: The Civil and Military Gazette Limited, July–September 1939.

The Combined Civil List for India. List of Civil Services and Higher European Services under the Government of India No. 72. Allahabad: The Pioneer Press, 1925.

The Indian Office List for 1919. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. The Prince of Wales, 1919.

The Indian Office List for 1930. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1930.

The Indian Office List for 1934. London: Harrison and Sons, booksellers His Majesty, 1934.

The Indian Office List for 1936. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1936.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КРЫЖКО Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия.

Evgeniy V. KRYZHKO, PhD (History), Associate Professor, Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

НАТАЛЕВИЧ Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, архивист, ГКУ «Государственный архив Республики Крым», Симферополь, Россия.

Sergey I. NATALEVICH, PhD (History), Archivist, Archive of the Republic of Crimea, Simferopol, Russia.